

АЛЕКСАНДР ПОЛУПОЛТИННЫХ

Конь пегасый

РАСКАЗЫ

Александр Полуполтинных

Конь пегасый

«Издательские решения»

Полуполтинных А.

Конь пегасый / А. Полуполтинных — «Издательские решения»,

«Очень интересный рассказ: увлекательный сюжет, ироничен, прекрасный язык...» «Отличная история и очень динамично написана!» «Рассказ просто супер... Немного сюрреалистичен, но это как раз добавляет остроту.» (из откликов читателей)

Содержание

Президентские яблоки	6
Телопись	12
1 глава	12
2 глава	14
3 глава	15
4 глава	17
5 глава	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Конь пегасый
рассказы
Александр Полуполтинных

© Александр Полуполтинных, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Президентские яблоки

О приезде в Читу Владимира Владимировича я узнал месяца за три: «секретом» поделились друзья из правоохранительных органов. Но и они тогда верили в это мало. Жизнь показала, что редкий руководитель государства долетает до Богом забытого Забайкалья.

Но за полмесяца до ожидаемого события вдруг стали спешно асфальтировать центральные улицы. Многие, конечно, сразу связали это с витающими по городу слухами. Однако мэр, выступая по местному каналу, пытался запудрить народу мозги байками, что, мол, все эти работы ведутся в плановом порядке и вовсе не связаны с посещением города какими-либо высокопоставленными московскими чиновниками. Но по ударным темпам работ слепому было видно, что что-то тут не так: в какую это пору рабочие в новеньких оранжевых безрукавках трудились, не покладая лопат, до самой темноты?

Окна на втором этаже моей обычной трехкомнатной «хрущевки» как раз выходили на главную улицу города, и однажды вечером я наблюдал, как многотонные желтые катки трамбуют дорогу до гладкости «яичка». В сухом воздухе густо мешались запахи горячего битума, выхлопных газов и жухлой тополиной листвы, уже успевшей осыпаться газоны. Изредка то в одну, то в другую сторону неторопливо чуть слышно шурша по свежему черному покрытию, проезжали полупустые троллейбусы, кажущиеся какими-то величественными кораблями магистралей. В них чинно сидели ожидающие чего-то архинеобыкновенного читинские пассажиры.

Как-то вернувшаяся из магазина жена Наташа, скинув в прихожей босоножки и пройдя на кухню, чтобы поставить на стул увесистую сумку, сказала таинственно:

– Слышал, говорят, ходят по квартирам и предупреждают, чтобы семнадцатого числа никто на балкон не выходил, и чтобы все окна и двери были закрыты целый день?

Наша зеленоглазая дочка, волоча за лапу большого синего зайца, прибежав на кухню, сходу пыталась включиться в разговор:

– А почему нейзя на байкон?

– Потому что к нам дядя президент приедет, – безапелляционно заявила Наташа.

– А он к нам в гости пиедет, дя? – не унималась маленькая Валя.

– К нам, к нам, – озорно улыбнулась Наташа и сдунула прядь волос, закрывшую ей глаз.

– Значит, семнадцатого... – произнес я почти шепотом. – А я сегодня смотрю, какие-то люди проверяют канализационные колодцы. Один спускается, а двое наверху. Тот-то, который лазил, в военном камуфляже, в каске строительной, с фонарем, а эти наверху прилично одеты – брюки, рубашки. Один что-то писал, на папочку листочек положил... Другой все по сторонам озирался. Меня увидел на балконе, до-олго смотрел. Тому, с папочкой, сказал что-то. Я сразу зашел в квартиру от греха... Потом на улицу выходил, смотрю, а на крышке колодца метка стоит мелом.

– Ты смотри, может, они уже камеры наблюдения повсюду установили... Ходишь, на крышки смотришь! – выкладывая на стол тетрапакеты с молоком, соком и разные свертки, в шутку выговорила мне Наташа.

– А еще на нашем доме, сосед с пятого этажа сказал, снайпера посадят. Он видел, участковый с двумя курсантами на чердак поднимались, осматривали. Потом люк опломбировали, а соседу наказали, чтобы за пломбой поглядывал. Это еще пять дней назад было. Сосед-то теперь не спит, ему все кажется, что кто-то на площадке шарится, а он-то за эту пломбу дурацкую ответственный!

– Один дурак пошутил, а другой поверил, – засмеялась жена. – Ну, и сорвут эту пломбу, что теперь соседа посадить за это?

Вот так почти каждый день мы обсуждали предстоящее экстраординарное для нашего города событие.

Самое невероятное случилось ровно за три дня до уже официально заявленного визита. Рано утром, когда я, напевая в хорошем расположении духа что-то себе под нос, собирался на работу, в дверь позвонили. Наташа в это время кормила на кухне Валу. Дочка, как всегда, уросила, слышалось ее вечное «Не хочу!», Наташа ворчала на нее, заставляла съесть еще ложечку «за Андрюшку», Валькиного детсадовского друга. Неожиданный и странный звонок заставил всех замолчать.

Я открыл дверь.

На пороге стоял очень представительного вида молодой человек в костюме и белой рубашке с галстуком.

– Вы будете Алексей Матвеевич Хлебодаров? – спросил молодой представительный человек в костюме.

– Я.

– Я к вам по очень важному делу.

Нежданный гость запустил руку во внутренний карман костюма, и скоро я мог созерцать фотографию этого молодого красавца, но уже в форме с капитанскими погонами. «Никитин Павел Леонидович», прочитал я на удостоверении личности, «Региональное Управление Федеральной службы безопасности по Читинской области».

– Разрешите войти?

– П-пожалуйста, – посторонился я.

В комнате, расположившись в кресле, капитан Никитин коротко рассказал мне о предстоящем визите нашего президента. Я сидел и молча слушал его, не в силах даже предположить цели прихода в мой дом сотрудника ФСБ. С женой, заглянувшей в комнату, Павел Леонидович вежливо поздоровался, извинился за раннее вторжение. Любопытная Валя уже выясняла у мамы, кто это «писёл». Наташа закрыла дверь в комнату, чтобы не мешать нашей беседе.

– Вы понимаете, Алексей Матвеевич, прежде чем пойти к вам, мы просмотрели некоторые документы, касающиеся вас. Мы знаем, что вы проходили службу в войсках КГБ, были отличником боевой и политической подготовки, у вас и по настоящему месту работы идеальная репутация, поэтому мы очень рассчитываем на вашу помощь, – говорил молодой человек.

– Я с удовольствием... – Мне лестно было слышать такие слова о себе. – А что нужно делать?

– Вы знаете, что каждая поездка Владимира Владимировича по стране должна играть на повышение его рейтинга. В Чите для Владимира Владимировича запланировано посещение одной из квартир. Мы посчитали, что наиболее подходящий вариант – это ваша среднестатистическая российская семья.

– Конечно! – вырвалось у меня почти восторженно. – Мы...

– Не так все просто, Алексей Матвеевич, – серьезно посмотрел на меня молодой человек. – Мы должны дать вам и вашей супруге некоторые инструкции...

– Конечно, я понимаю... – я чувствовал, что уже не могу справиться с нахлынувшим волнением.

– Завтра к вам придут люди, и всё подробно распишут, хорошо?

– Хорошо... – я поднялся с кресла, посчитав, что разговор на сегодня закончен, в конце концов, я уже опаздывал на работу, а молодой человек продолжал сидеть еще какое-то время, потом, будто спохватившись, встал и извинился.

– Да что вы сидите, сидите, – сказал я. – Может, хотите кофе?

– Не откажусь, – к моему большому удивлению, сказал гость. – И, Алексей Матвеевич, хочу сказать вам, что ни вы, ни ваша жена, до приезда президента выходить из квартиры не должны.

Я остолбенел.

– Не беспокойтесь, на вашей работе мы уже все уладили, можете отдыхать спокойно целых три дня, – мило улыбнулся молодой чекист. – А ваша жена ведь в отпуске, правильно?

Я кивнул совершенно безоружно.

– И еще, – тон человека в костюме стал более назидательным, – Алексей Матвеевич, с сегодняшнего дня у вас будут дежурить наши сотрудники. До девяти вечера у вас буду находиться я, а потом меня сменяют. Наталье Петровне вы сами всё объясните, хорошо? И пусть не переживает: на обед и ужин меня подменят.

– Да, я... – у меня пересохло в горле.

– И вот еще что: ваш телефон отключен, сами понимаете, – слова молодого человека все больше шокировали меня. – А если вам нужно купить продукты или что-то еще, то, не стесняйтесь, обращайтесь, я все устрою.

Ночью в постели я говорил жене в ухо:

– Вот, Наташка, прославимся на всю Россию! Наверняка покажут по центральным каналам.

– Прославимся, прославимся, – ухмыльнулась жена. – Завтра за генеральную уборку примемся... Говорила тебе, надо сменить стенку, позор такой на всю страну!

– Тихо ты, он услышит!

Под дверью спальни виднелась тоненькая желтая полоска света: наш новый страж, сменивший в положенный час Павла Леонидовича, коротал ночь на кухне с книгой.

На следующий день в девять утра приехала целая делегация из трех мужчин и одной стройной длинноногой особы. Мы, естественно, уже не спали, поднявшись часов в шесть. Один из приехавших, рыжий и высокий человек лет сорока, держал на поводке холеную жирную таксу. Нам объяснили, что в целях безопасности президента нужно проверить дом на наличие взрывчатки. Первое что сделала такса, подошла к полке с обувью и понюхала мои старые стоптанные тапки, крытые зеленым материалом в клеточку. Я улыбнулся, наблюдая, как животное шевелит мокрым черным носом, нюхая тапок. «Надо бы их давно выбросить», – подумалось мне.

После того, как кинолог с собакой обследовали каждый уголок нашего жилища, двое остальных мужчин и девушка тоже прошли и оглядели все комнаты, кухню, ванную и туалет. Причем после посещения последнего «объекта» раздался оптимистичный шум сливающейся в унитаз воды. Самый представительный с красивой сединой мужчина, представившийся Николаем Степановичем, пригласил нас с женой в зал и, предложив сесть на диван, стал проводить инструктаж.

– Ровно в двенадцать часов кортеж президента остановится у магазина, что на первом этаже вашего дома. Поднимется к вам, тут будут уже наши сотрудники и съемочная группа. Вы будете стоять здесь, возле балкона, – Николай Степанович ходил по комнате и пальцем показывал, где мы должны стоять. – А президент остановится здесь у входной двери. Вот на этот столик мы поставим вазу, в нее положим яблоки... Кстати, у вас есть дача?

– Нет, – сказал я. – У тещи огород...

– Ну, это ничего, – продолжал седовласый Николай Степанович. – Итак, яблоки... Вот тут будет ваза. Владимир Владимирович сделает к вам несколько шагов, вы пройдете к нему навстречу, и вы поприветствуете друг друга рукопожатием. Потом он произнесет такие слова: «Мне рассказали, что вы выращиваете замечательные яблоки...»

– Но, Николай Степанович... – вырвалось у меня.

– Алексей Матвеевич, ничего особенного, у нас действительно кое-где в деревнях выращивают замечательные яблоки. Не ехать же президенту в деревню... Вы улыбнетесь и обратите внимание на стоящую здесь вазу и скажете: «Угощайтесь, Владимир Владимирович, вот эти яблоки из моего сада!» Он пройдет к столу и возьмет одно яблоко, понюхает его и в ответ ска-

жет... – Николай Степанович быстрым движением достал из бокового кармана пиджака блокнот, открыл его и зачитал: – «Если даже в Сибири выращивают такие замечательные яблоки, то можно с полной уверенностью сказать, что люди здесь живут трудолюбивые, любящие свой край, свою землю». Попрощается и уходит. Вот собственно и все.

В этот момент в комнату с листом бумаги в руке вбежала Валя. Во время инструктажа она находилась в своей комнате, где по просьбе Николая Степановича ее развлекала длинноногая девушка.

– Мама! А тетя Оля мне дём наисовала! – похвасталась девочка.

В дверях появилась «тетя Оля», вид у нее был провинившийся.

– Ничего, Оленька, – успокоил Николай Степанович. – Мы уже закончили. И, пожалуйста, Наталья Петровна, Алексей Матвеевич, вашей прелестной дочурке говорить о том, кто и зачем к вам приедет не надо, договорились?

Мы, как по команде, кивнули с Наташей головами.

Оставшиеся два дня до визита президента прошли для меня в жутком волнении. Супруга же моя не терялась: то и дело звонила на сотовый телефон Павлу Леонидовичу и заказывала невероятное количество продуктов из супермаркета, что был расположен внизу: различные колбасы, сыры, копчености – все, что мог вместить наш холодильник, не говоря о различных сухих продуктах быстрого приготовления: их нам носили коробками. Валя, да что там скромничать, и мы с Наташей объедались экзотическими фруктами: ананасами, киви и манго. Дежуривших у нас сотрудников Наташа потчевала, как дорогих родственников. Сама садилась с ними за стол, все пыталась выпытать, чем они занимаются между визитами президентов. Но дежурные, молодые словоохотливые парни, говорили о чем угодно, только не о службе.

Наконец настал тот самый день – семнадцатое.

В девять пришли сразу семеро чекистов. Трое из них, включая седовласого Николая Степановича, Павла Леонидовича и длинноногую Олю, были нам уже знакомы. Один вынес на балкон табурет и расположился там с биноклем, остальные рассредоточились у окон. В десять приехали телевизионщики. Вели они себя, уже не обращая никакого внимания на нас: оператор, в безрукавке с массой всевозможных карманов и карманчиков на «липучках», устанавливал камеру на треноге, его помощник таскался из угла в угол с большим софитом. Когда он, найдя розетку, врубил для пробы этот софит, комната превратилась в сценическую площадку – так на ней все неестественно выглядело – а, когда яркий свет погас, вновь выступило наружу вся наша убогая обстановка. Как главный укор мне, темнела махина нашей старомодной мебельной стенки.

Круглый стол был застелен новой белой скатертью, купленной по настоянию жены и с распоряжения все того же нашего благодетеля Павла Леонидовича. В центре стола мы поставили красивую хрустальную вазу (наш подарок на свадьбу), и длинноногая чекистка Оля долго укладывала в нее, доставая из розового пакета, крупные зеленые в крапинку яблоки с темно-красными боками. Яблоки, по всей видимости, действительно были из сада забайкальских садоводов-любителей – не стали бы обманывать самого президента.

Ровно в двенадцать напряжение доросло до предела.

Мы стояли с Наташей, как положено, у балкона. Меня слегка потрясывало от внезапно охватившего озноба, ладони стали мокрыми и холодными. Наташа в красивом новом костюме, который справилась благодаря Павлу Леонидовичу, держала за руку Валюшку, а та, не обращая внимания на столпотворение в квартире, рвалась куда-то, крича:

– Мама, а ктё к нам пидёт?

– Внимание, работаем! – раздалась команда женщины-журналистки, держащей в руке большой микрофон с логотипом Первого канала. Телевизионщик зажег софит.

В следующую секунду у Николая Степановича зашумела в кармане рация. Достав, он приложил ее к уху и быстрыми шагами удалился в спальню. И почти тут же вышел из нее. Все устремили свои взгляды к нему, понимая, что он здесь самый старший по положению.

– Отбой! – сказал он. – Кортёж прошел мимо. Через десять минут все свободны.

Мощное искусственное освещение тут же погасло, погрузив помещение в угрюмые сумерки (погода на улице, кстати, с утра выдалась невеселой, даже накрапывал дождик), хотя включенная под потолком люстра все еще лучила свой жалкий желтенький свет. Десять минут прошли незаметно. К выходу молча потянулись разочарованные работники телевидения, а затем, один за другим, сотрудники государственной безопасности.

– Охрана президента решила у вашего дома не делать остановку, – подошел к нам будто бы тоже разочарованный Николай Степанович. – Вы уж извините нас, Алексей Матвеевич, что вас переположили. Во всяком случае, спасибо за понимание ситуации, за то, что пошли нам навстречу...

Мы стояли с Наташей молча, Валя сорвалась и побежала в коридор вслед за уходящими гостями.

– И последняя просьба, Александр Матвеевич... – седовласый чекист достал из папки бланк, на котором выделялся заголовок «Подписка», дальше шли графы и абзац мелкого текста. – Вот напишите своей рукой фамилию и распишитесь внизу.

В глазах запрыгали строчки: «В соответствии со статьей... предупрежден об ответственности... обязуюсь...». Я написал все, что требовалось. То же проделала Наташа.

– Вот, спасибо... – Убирая листы в папку, сказал приятно улыбающийся Николай Степанович. – Значит, никаких интервью никому не давать, друзьям, знакомым о нашей с вами работе не рассказывать, хорошо? Счастливо оставаться...

Я вдруг почувствовал, что в квартире ужасно душно, подошел к балкону и открыл дверь. Неожиданно передо мной возникла фигура спортивного человека с биноклем на шее и табуретом в руке.

– Все ушли? – Спросил он. – Извините...

Я молча пропустил дозорного, он проследовал на кухню, откуда брал табурет, попрощался с Наташей и удалился.

– И ходят, и ходят... – супруга уже размашисто возила влажной тряпкой по полу.

– Пойдем, погуляем, – предложил я, взяв у жены швабру и поставив ее у стены.

На улице было необычайно чисто. Возле продуктового павильона красовался ряд выставленных пышных можжевельников в кадках. В клумбах благоухали яркие астры, которых еще три часа назад не было. Чита была не похожа на Читу. Мы медленно брели по тротуару, Валя бежала впереди. Я молча смотрел на крышки канализационных колодцев, обращая внимание на таинственные знаки мелом на них.

Обратно возвращались той же дорогой. Кадок с можжевельником уже не было, да и астры на клумбах уже заметно поредели. Мы также молча поднялись на этаж, вошли в нашу уютную квартирку, и пока Наташа искала вазу, чтобы поставить в нее откуда-то появившиеся в ее руках астры, я включил телевизор.

Показывали «Новости».

«Сегодня Президент Российской Федерации прибыл в город Читу...»

– Наташа! Скорее – уже Читу показывают!

Наташа прибежала, держа в одной руке вазу, в другой яркий букет из белых и лиловых цветов.

«...кортеж сделал остановку на одной из центральных улиц города, и Президент посетил квартиру читинцев...»

– Во дают! – вырвалось у меня.

События на экране развивались по сценарию, известному нам до мельчайших деталей. Даже непоседа Валя устала в экран и все пыталась выяснить: «Мама, а это нас показывают, дядя?» На экране была похожая на нашу квартира, сияли улыбками «садовод-любитель», его жена и маленькая белокурая дочка.

«Угощайтесь, Владимир Владимирович, вот эти яблоки из моего сада!» – говорил с экрана мой «двойник».

Владимир Владимирович, немного смущаясь, уже прикладывал к носу «забайкальское» яблоко.

– Ты гляди, как отработано! – не мог успокоиться я.

«Если даже в Сибири выращивают такие замечательные яблоки, то можно с полной уверенностью сказать, что люди здесь живут трудолюбивые, любящие свой край, свою землю».

Некоторое время после окончания сюжета мы стояли немые.

– Ну, ладно, посмотрел спектакль? Мойте руки и пойдемте сёмгу пробовать, – сказала жена. – Сейчас только картошку заброшу в микроволновку...

На столе очень театрально благоухали в вазе яблоки.

– Хоть яблоки не забрали... – Наташа подошла к столу и взяла одно.

– А я хочу яблоко! – подбежала Валя.

– На, грызи. – Наташа подала яблоко дочке. – Президентское!

Наташе вдруг стало очень весело, а скоро мы все втроем долго и дружно смеялись.

август, 7 декабря 2004 г.

Телопись

1 глава

Художник из Замухрайска Сергей Пятиалтынный впервые за свою творческую жизнь рисовал на своей жене.

Минуту назад был сделан последний мазок, и теперь Пятиалтынный стоял, замерев, на расстоянии пяти шагов от Виолетты, и внутренний восторг, готовый вот-вот вырваться наружу вулканом страсти, переполнял художника. На спине жены, крутых ее ягодицах, бедрах, словно языки пламени, полыхали чудесно выписанные огненно-красные лилии. Плавные линии лепестков и тычинок, нежно-зелёных стеблей и остроконечных листьев гениально гармонировали с нежными изгибами молодого статного тела Виолетты, делая всю композицию единым и неразделимым целым. Виолетта стояла неподвижно, чуть дыша, на фоне задернутой серой бархатной портьеры мастерской. Ее обесцвеченные волосы были собраны на затылке в круглую шишку и заколоты шпилькой. Минут пять в мастерской стояла торжественная тишина.

– Ну как, любимый? – Виолетта наконец осмелилась чуть повернуть голову.

– Чудесно! Невыразимо! – восторженно воскликнул Сергей. – Право, я не ожидал... не ожидал такого результата...

– Ну, что ты! Ты у меня такой талантливый! – расцвела в улыбке жена. – Мне не терпится посмотреть!

Она, было, подалась всем телом в сторону большого овального настенного зеркала, но Сергей остановил ее:

– Нет, нет! Не двигайся! Вдруг что-нибудь испортится! Подожди немного!

Сергей внес из соседней комнаты заранее подготовленный трёхногий штатив, на котором чернел массивный фотоаппарат.

– Сейчас, сейчас... мы эту красоту... увековечим! – Сергей направил на жену большой синий глаз объектива.

Освещенная мягким светом трех маленьких софитов, Виолетта стояла неподвижно, как музейная скульптура. В полуобороте головы была заметна ее самодовольная улыбка.

Наконец, послышались характерные звуки срабатывания затвора фотографической камеры: раз, второй, потом еще и еще. Пятиалтынный на всякий случай сменил несколько ракурсов. Виолетта покорно ждала окончания съемки.

– И как этот жанр называется? – полюбопытствовала жена.

– Ну, вообще-то, это называют боди-пейтингом, что по-английски значит «рисунок на теле». Но ты же, милая, знаешь, что я не люблю всей этой иностранщины. По-русски это будет назваться проще и понятней – телопись.

– Как здорово! Телопись! Ты сам придумал?

– Сам, сам...

– Какой ты у меня замечательный, Сергунчик!

Она уже вся горела страстью и не могла стоять спокойно. Впрочем, Сергей сделал уже достаточно снимков.

– Ну, иди же ко мне, моя расписная матрёшечка...

Жена, как дикая кошка, уже летела в объятия своему мужу.

После душа Виолетта и Сергей – она обернутая розовым махровым полотенцем, он с голым торсом, в полосатых трусах – сидели у компьютера и рассматривала сделанные снимки.

– Вот этот убери ... И этот, пожалуйста...

– А этот великолепный, правда? – говорил, не отрываясь от монитора, Сергей. – Какая же ты у меня... Настоящая Афродита!

– Спасибо, милый! – Виолетта чмокнула мужа в плечо. – Это ты у меня необыкновенный, одаренный. Такую замечательную телопись сделал! Жаль эта красота недолго просуществовала на свете... Даже плакать охота. И никто не увидит, и не оценит... А может, в интернете разместим? – Её глаза азартно загорелись.

– Скажешь тоже, – серьезно сказал Сергей. – Интернет что большая помойка. Валят туда что ни попадя. Да и где разместить? И приличного места не найдешь... Мда... А ведь это идея! – неожиданно воскликнул Пятиалтынный. – Ведь в нашем Союзе художников есть свой журнал! «Замухрайский вернисаж»! Ура! Моя телопись, кажется, спасена!

– Наша! – поправила жена.

– Наша! Наша!

И они снова потонули в пылких объятиях друг друга.

2 глава

«Замухрайский вернисаж» выходил раз в полгода. Редактор издания и давний друг Сергея Пятиалтынного еще со школьной скамьи Боря Белибердин с удовольствием взял репродукцию телописи в очередной номер, который уже был почти свёрстан.

– Ну, неплохо, неплохо! – прицокивал языком Боря, разглядывая принесенные Сергеем фотоснимки. – А какие формы! Вах, вах! И кто она?

– Супруга. Виолетта. – Сергей, немного смущаясь, опустил лысеющую голову.

– Уже Виолетта?! – Боря поднял в удивлении густые брови. – Мне кажется в последний раз...

– Да, была Анна... Но с ней мы давно расстались. Кстати, полными друзьями.

– Ну и прекрасно, что друзьями! – Масляные глазки Бори ни на секунду не отрывались от телописи. – Представляю, когда журнал выйдет из печати... Твое имя будет у всех на слуху. Давненько мы не печатали ничего подобного. А тут надо же! Да еще жена! А, кстати, подписи сделать никакой не нужно? Для ясности?

– Нет, не надо. Свои, думаю, и так узнают, а Виолетте *такую* рекламу я делать не желаю. В конце концов, Боря, это же *моё* искусство. – Сергей сделал ударение на слове «моё». – Художника!

– Несомненно, старик! – Белибердин отложил фотоснимок, но правый глаз невольно еще косил в его сторону. – Ты большой мастер! И «Лилии» твои – просто блеск! Но ты же сам понимаешь, что без этой вот... – он подбирал слова, – ...естественной, живой, основы они ровно вполовину проиграли бы.

– Я рад, Боря, что ты не отказал. – Пятиалтынный поднялся с мягкого кресла. – Спасибо! А что если... прямо на обложку! – Вдруг остановился он уже у самой двери.

Грузно поднялся из-за стола и Белибердин. Показался его круглый живот, переваливающийся через тонкий кожаный брючный ремень:

– Обложку не обещаю... Сам знаешь, обложка у меня под рекламу рассчитана. Но анонс с картинкой дам несомненно. Это привлечет читателя. А телопись твою разместим на страницу целиком. Знаешь, под глянец, да черном фоне – вот так будет смотреться! – И Боря выставил вперед пухлый кулак с оттопыренным вверх толстым большим пальцем.

3 глава

Пока журнал готовится к печати, немного расскажем о наших героях.

Как было уже сказано, Виолетта и Сергей Пятиалтынные были молодой парой, хотя оба находились в возрасте, когда образование, трудовые навыки, житейский опыт и репутация в обществе обязаны были, как говорится, приносить ощутимую отдачу. Сергей терпеливо ждал свой сорокалетний юбилей и награду от Союза художников. Виолетте не исполнилось еще и тридцати трёх. Она преподавала в замухрайском юридическом институте историю отечественного права, писала кандидатскую. У нее была тринадцатилетняя дочь Тая, которая в основном жила у бабушки.

От первого мужа Виолетте досталась не очень благозвучная фамилия Шатёркина, но после своей второй свадьбы она безоговорочно стала Пятиалтынной. Дело в том, что Сергей Пятиалтынный был давней мечтой Виолетты. Еще в студенческие годы она увидела на одной из выставок его картину «Уголок счастья», на которой двое влюбленных в обнимку сидят под раскидистой березой, рядом на траве раскрытая книга, а у девушки в полурасстегнутой блузке виднеется очень эротично выписанная грудь.

Она просто заболела этой картиной, вырезала из рекламного проспекта ее репродукцию и повесила в рамке дома. А в лихие девяностые, когда жизнь прижала и Пятиалтынного, и он выставил «Уголок счастья» на продажу, она тут же, не раздумывая, купила ее за бешенные по тем временам деньги, хотя сама потом перебивалась с хлеба на воду – зарплату не платили месяцами. Хорошо, выручала мама, которая работала на престижной должности в городской замухрайской администрации.

Виолетта была красивой, высокой, одевалась с большим вкусом, носила длинные юбки с роскошными воланами и сильно приталенные кофточки. Лицо ее на первый взгляд казалось холодным, тонкие губы редко улыбались, косметикой она почти не пользовалась, волосы обесцвечивала и, когда была вне института, носила распущенными. Дело в том, что за институтской кафедрой с заколотыми в шишечку волосами она смотрелась солидной дамой, но стоило ей убрать заколку, как она преображалась и молодела на десять лет. Наглые студенты затевали с ней в маршрутном такси непринужденные беседы, и она вступала с ними в эти словесные игры не без удовольствия, одаривая очередного случайного собеседника своей притягательной улыбкой.

С Шатёркиным она уже не была счастлива. Он довольно успешно раскручивал свой бизнес, но часто задерживался, вечно был издерган, ночью с ней груб, а Виолетте хотелось нежности, романтики, ласковых слов, и она год от года все тоскливей смотрела на «Уголок счастья», который висел в спальне напротив их широкой кровати. Наконец, взвесив все за и против, Виолетта сама подала на развод.

Когда в маленьком Замухрайске прошел слух, что Пятиалтынный развелся с очередной женой, Виолетта Шатёркина сразу решила действовать. Она расчетливо выбрала момент, когда Союз художников проводил очередную выставку в местной галерее. Там-то она и подошла к Пятиалтынному и рассказала трогательную историю про «Уголок счастья». Склонный к сентиментальности, Сергей просто не мог устоять перед очаровательной блондинкой, да к тому же поклонницей его таланта, и пригласил Виолетту в свою мастерскую на чашку кофе.

С того памятного вечера и закрутился очередной роман художника.

Пятиалтынный никогда не стремился стать живописцем, а в художественное училище попал случайно. Его школьный товарищ Гена ради хохмы позвал его попробовать там свои способности. «В художке уже второй год недобор. Диктант уж как-нибудь напишем. А на творческом конкурсе вазу какую-нибудь нарисуем, и считай, мы студенты!», – убеждал Гена. Пятиалтынный рисовал плохо, а у Гены отец был известным художником, и сам Гена рисовал сносно.

Но на экзамене судьба подшутила над ними: Пятиалтынного приняли, а Гене сказали, что ему лучше пойти в маляры.

Сергей учился с удовольствием. Его дипломная работа «Уголок счастья» была признана лучшей, хотя официально он получил за нее «тройку». Все объяснялось тем, что Пятиалтынный отступил от «темника», списка тем, на которые дипломникам разрешалось живописать. Например, «Рекордный надой» или «Рабочая жилка». Картины на заданные темы, как правило, предназначались для всесоюзных выставок и должны были отражать социалистическую действительность. Тем не менее, преподаватели пророчили ему большое будущее и советовали продолжать учебу в Москве. Но потрясенный несправедливостью Пятиалтынный выбрал скромную профессию художника-оформителя в одном из кинотеатров Замухрайска, малевал там афиши, а для души работал дома, больше писал маслом, но иногда небезуспешно тешил свое самолюбие графикой.

Внешне он был похож на южного француза, как однажды ему заметил на одной из выставок заезжий немец турист. Он носил тонкие черные усы, очень короткую стрижку, был немного вял и задумчив. Но женщинам он нравился, потому что умел преподать себя как личность романтическую, увлеченную и загадочную. В беседах он всегда будто что-то недоговаривал, на вопросы любопытных дам, покажет ли он им свои картины «в святая святых», в мастерской, всегда многозначительно отвечал, глядя в глаза: «Посмотрим, посмотрим, сударыня...».

У него было много женщин, но семьей он обзаводиться не спешил – боялся ошибиться, а потом всегда ждал от очередной встречи чего-то необыкновенного, сверхъестественного, романтического. И женился на совсем молодой девчонке, вчерашней студентке Анюте. Их любовь была красивой и короткой, как в сказке: букеты роз, шампанское и даже свадебное путешествие в Париж... В общем, Пятиалтынный быстро спустил все деньги, которые копил на новую квартиру с большой мастерской. Анна же требовала «продолжения банкета», но тут в стране грянул дефолт, кинотеатр, где работал Сергей продали под ресторан. К тому же, как выяснилось, Анна не переносила запаха масляных красок, а им, ей казалось, были пропитаны все вещи в доме Пятиалтынного. У нее развилась жуткая аллергия, и однажды Анна сказала мужу: «Или я, или твоя мазня?» Этим роман с Анютой и закончился.

Горевал после расставания Пятиалтынный недолго. Скоро в его жизнь вошла зрелая и интеллигентная женщина Виолетта. Она была просто без ума от таланта Пятиалтынного, любую «мазню» перевозила до небес и всё мечтала, что когда-нибудь Сергей её нарисует и она, наконец, прославится на весь Замухрайск, а может и на весь мир. Но Пятиалтынный всё тянул время, говорил, что если и создавать шедевр мирового масштаба, то не с кондачка, мол, надо созреть для такой работы, а для этого нужно время и вдохновение.

Поэтому, когда Пятиалтынный решил написать картину прямо на теле Виолетты, она была в полном восторге – сбылось! Её Сергунчик займется ей, самой прекрасной, самой сексуальной, самой любимой из всех женщин! Втайне она давно мечтала позировать мужу обнажённой. Она просто бредила этой мечтой, но сказать об этом почему-то не решалась, хотя их супружеское ложе не знало каких-то запретов и ханжеских предрассудков.

И вот – пусть не полноценное полотно, не «Даная» и не кустодиевская «Красавица», и всё же творение настоящего мастера – телопись! Она уже видела ее в журнале, как будут говорить не столько о работе Пятиалтынного, а об ее восхитительном теле. И Виолетта даже была огорчена, что Сергей не расписал заодно и грудь. Мог бы получиться фантастический диптих. Ведь у неё просто фантастическая грудь! Но она снова не решилась сказать об этом мужу. Ей казалась, что муж сочтёт её порочной, бесстыдной женщиной. И она счастливо довольствовалась тем, что уже свершилось в ее жизни.

4 глава

Когда свежий номер «Замухрайского вернисажа» положили на стол редактора, Белибердин первым делом открыл разворот, где красовалась телопись Пятиалтынного.

– Ну-у-у! Хороша-а! Хороша-а! – протянул Борис. – Жаль лица совсем не разберёшь... Но тело! Тело! Везёт же дуракам! Такую писаную красавицу отхватить! Писаную-расписанную... Хм... Однако! – ему самому понравился его каламбур.

Белибердин, не отрываясь от репродукции, набрал на мобильнике номер Пятиалтынного:

– Слышишь, старик? Хочу тебя порадовать: держу в руках «Замухрайский вернисаж». Твоя телопись – просто гвоздь номера! Просто волшебно вышло, волшебное! Знаешь, это все равно, что на греческой скульптуре ваноговские «Подсолнухи» написать – вдвойне шедеврально! Конечно, приезжай! И для тебя экземпляр найдется. И коньячку, коньячку захвати...

5 глава

Стоял декабрь, улицы Замухрайска были погружены в студёную мглу. После весёлой встречи с Белибердиным Пятиалтынный сидел в домашнем кресле немного чумной от выпитого коньяка и ощущения свершения чего-то очень значимого в его жизни. Хотелось творить, хотелось писать вдохновенно! Придя домой, Сергей, едва скинув обувь и шубу, прямо в шапке, в шарфе, пробежал напрямки в мастерскую, схватил палитру. Здесь в углу давно стоял неоконченный этюд «Казачонок» – светлоголовый мальчишка на полотне тайком рассматривает вынутую наполовину из ножен шашку. Но чего-то в этой работе не хватало, чтобы считать ее законченной. Сергей по какому-то внутреннему наитию выдавил на изрядно перепачканную палитру несколько красок: белила, берлинскую лазурь и немного индийской желтой... Так, не снимая шапки, чуть смешав краски тонкой колонковой кисточкой, Сергей сделал несколько, как говорят художники, «ударов» мазком... Отпрянув от мольберта, он был изумлен, что «попал» – на полотне шашки, в глазах мальчика появился тот живой, искомый блеск, которого и не хватало в картине. Пятиалтынный тут же бросил кисть, палитру, шапку и шарф и, уже несколько успокоенный, прошел сначала в прихожую, где с маленького столика взял «Замухрайский вернисаж», потом в комнату, и опустился в мягкое кресло с раскрытым журналом в руках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.